

УДК 1 (091)

К.Д. КАВЕЛИН О «ВСТРЕЧЕ» НОВЫХ СМЫСЛОВ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И ПСИХОЛОГИИ

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

На примере воззрений русского философа, историка и общественного деятеля К.Д. Кавелина показано, какую роль сыграли представители позитивистской философии истории в становлении теоретической психологии в России. В исследовательской позиции Кавелина вскрыты две прямо противоположные направленности: строгий детерминизм и гибкая диалогичность. В качестве текстового первоисточника в статье анализируется работа Кавелина «Задачи психологии» (1872). Автор статьи приходит к выводу о том, что, в замыслах Кавелина «встреча» философии, истории и психологии во второй половине XIX в. происходит на новой основе, где история и психология уже выступают в качестве самостоятельных наук, а философия перестает чувствовать себя высшим авторитетом истины.

Ключевые слова: *К.Д. Кавелин, философия, психология, история, позитивизм, многофакторный анализ, субъект познания, диалог.*

Российские представители философии истории второй половины XIX – начала XX в., изучавшие в поливариантном ракурсе историческое прошлое, неизменно сталкивались с трудностями объяснения и понимания таких сложных факторов, как национальное или правовое самосознание, общественные идеи и идеалы, неосознанные индивидуальные поступки и массовые стихийные проявления, веровательные представления народа, волевые качества исторических личностей и т. д. Тем самым они невольно включались в сферу задач психологии, стараясь понять и скорректировать теоретические основания уже сложившихся психологических проблем. Поэтому нет ничего удивительного, что на волне построения новой научной классификации представители философии истории пытались определить место психологии среди других наук, выявить ее задачи, предмет изучения, принципы и соотношение с философией, историей, социологией, биологией, лингвистикой, этикой и другими направлениями научной мысли конца XIX – начала XX в.

Тексты представителей русской позитивистской философии истории (их научные исследования и публицистические высказывания) дают основания говорить о том, что общей чертой авторов оказалась диалогичность, т. е. умение вести конструктивную полемику, способность выстраивать собственный доказательный смысловой ряд, подвергать его сомнению и «слышать» аргументы своих оппонентов. Об этом сами за себя говорят эпистолярные дискуссии: К.Д. Кавелина с В.С. Соловьевым – о границах возможностей позитивного знания; Н.И. Кареева с Н.Я. Данилевским – о сильных и слабых сторонах теории культурно-исторических типов; П.Н. Милокова с Г. Тардом – о рисках чрезмерного увлечения принципом подражания в объяснении фактов социокультурного развития; П.Н. Милокова с П.А. Сорокиным – о природе и статусе национальности, о путях формирования национального самосознания и т. д. [6, с. 82–83; 8, с. 153; 9].

На очерченном выше полемическом фоне, а также в русле понимания диалога, выстроенного М.М. Бахтиным как открытость сознания исследователя, его готовность к общению «на равных» и «поочередно» [1, с. 371, 385], хорошо высвечивается роль русских позитивистов в становлении теоретической психологии в России. Наиболее ярко эти усилия отражены в сочинениях русского философа, историка права и публициста Константина Дмитриевича Кавелина, в наследии которого обнаруживаются примеры полемических суждений, глубоких по содержанию и сбалансированных по форме изложения.

Задачи философии, истории и психологии в замыслах К.Д. Кавелина

К.Д. Кавелин ратовал за строгий детерминизм в изучении исторического прошлого, но это нисколько не мешало ему чувствовать историю как «встречу» сознаний познающих субъектов. Такую исследовательскую установку, например, ярко иллюстрирует его конструктивно-критический анализ спора славянофилов и западников, в котором отчетливо показаны и разногласия, и общие перекрестные места познающих субъектов. Постепенно Кавелин занимает позицию, согласно которой частые контакты с оппонентами и взаимопересечения полярных воззрений помогают глубже изучить человека в его истории, культуре и обществе. Именно в таком ракурсе Кавелин и говорит о нарождающейся на его глазах науке психологии, участвующей во «встрече» с философией и историей уже в новом качестве – как самостоятельной отрасли знания.

В работе «Задачи психологии» (1872) Кавелин тонко улавливает уже наступивший момент «отпочкования» психологии от философии. Как многогранно рефлексирующий исследователь, он не может оставаться в стороне и считает нужным участвовать в осмыслении формирования самостоятельного предмета психологии, ее задач и методов. Кавелин начинает свои рассуждения с выяснения роли философии в становлении психологии. С этой целью он подробно анализирует содержание двух основных философских направлений XIX в. – спиритуализма и материализма – с их попытками осмысления двойственной сущности бытия. Как известно, сторонники идеалистического направления выводили внешнюю природу человека из психических начал, а философы-материалисты, наоборот, называли психическую жизнь следствием физиологического развития. Итогом подобного наблюдения за столь крайними позициями стал критически-конструктивный вывод Кавелина о том, что оба философских направления «страдают» односторонностью выводов и поэтому должны уступить место положительным наукам, способным исследовать психические явления и факты при помощи точного индуктивного метода и многофакторного анализа [3, с. 421, 637]. Заметим, что в той же мере Кавелин критиковал и односторонность физиологического подхода, считая, что для исследователя в области психологии важна не материалистическая или психологическая сторона человеческого бытия, а прежде всего «соответствие» между ними [3, с. 382].

По наблюдениям Кавелина, к концу XIX в. психология в своем изучении источников человеческой деятельности пришла «на смену философии». Там, где философия останавливалась на общих и отвлеченных началах, психология оказалась способной проникать в самую глубину явления, анализируя следы прошлого и показывая многофакторность формирования «продуктов психических процессов и отправлений». Кавелин не раз подчеркивал общность предмета изучения философии и психологии. Обе отрасли знания занимаются разрешени-

ем одной и той же задачи, но подходят к ней с различных сторон. Предметом философии, согласно интеллектуальной дифференциации Кавелина, должны выступать «объективно данные продукты духовной жизни», а психологии – «способы и законы происхождения этих продуктов» [3, с. 638].

Приступая к теоретическому осмыслению психологических проблем, Кавелин исходит из определения психологии как «науки о душе, ее свойствах и проявлениях». Но, поскольку душа тесно связана с телом, отличить факты психические от материальных, по свидетельству многочисленных исследований XIX в., оказалось делом чрезвычайно трудным. В связи с этим современная психология представляется Кавелину пока «самой темной и заброшенной» из всех отраслей знания, т.к. в ней наблюдается смешение идей и отражены бесконечные колебания ученых, в зависимости от господствующих воззрений эпохи. По наблюдениям Кавелина, амплитуда колебаний мнений исследователей постоянно раскачивается, склоняясь то к метафизическим, то к физиологическим трактовкам психологических проблем [3, с. 388–389].

Во многих исследованиях Кавелина рефреном проходит мысль о юридическом и политическом бесправии человека в России, где «нравственная личность как будто уходит со сцены и на ее место встают безличные массы» [3, с. 613]. В работе «Задачи психологии» наиболее остро поставлена проблема «нравственного ничтожества» личности. Здесь наряду с политико-правовыми и социально-экономическими причинами бесправного положения российского человека Кавелин особо выделял необходимость индивидуализировать историю. Он подчеркивал «ошибочность» поиска сущности и значения самой психической жизни только в окружающем ее материальном мире. В связи с этим именно в психологии ученый увидел «ключ» ко всей области человекознания. К этому выводу, по собственному признанию, Кавелин пришел не сразу, а «вследствие занятий юридическими и политическими науками, историей, философией и народными верованиями» [3, с. 375].

Как позитивистски сориентированный исследователь, Кавелин связывал перспективы развития психологии с положительным знанием, в основе которого должны лежать научные факты. Для этого, по мнению мыслителя, требовалось первоначально разобраться в самом определении «фактов», особенно в области психологических процессов. Дело в том, что в научных исследованиях 60–70-х гг. XIX в. в большинстве случаев психические факты считались недоступными для их изучения точными науками. Кавелин, напротив, старался доказать, что все науки могут участвовать в подготовке материала для психологии, что от степени совершенства обработки и интерпретации фактов зависит успешность психологических исследований.

Точные науки, рассуждал ученый, как и психология, основывают свои выводы на критически обработанных впечатлениях. Разница состоит лишь в том, что теоретики естествознания имеют дело с впечатлениями, непосредственно полученными от физического мира, а психологи – с впечатлениями от внешних следов психической жизни и деятельности. В этой связи знания и понимания смысла предметов и явлений Кавелин предлагает рассматривать в качестве «психологических продуктов», выработанных впечатлениями исследователя [3, с. 575]. Именно в таком контексте – внешней, средовой определенности этих впечатлений и стройной логике фактов – видится Кавелину возможность изучения истории верований, языка, политических учений и учреждений, искусств, науки и культуры. Сравнивая

«однородные явления» различных сообществ и внутреннюю эволюцию исторической жизни каждого отдельно взятого народа, можно выявить динамику и закономерности таких изменений, что, в свою очередь, способствует дальнейшему исследованию психической жизни и деятельности человека [3, с. 403].

Как видим, осмысление психологических проблем Кавелиным вызревало из его философских воззрений – гносеологических, мировоззренческих и нравственных. Это способствовало расширению и углублению поисков путей становления психологии как самостоятельной науки, ее места в системе других наук, таких, как философия, социология, история, биология, экономика, лингвистика, этика и других отраслей научного знания конца XIX в. Результаты творческих изысканий Кавелина, как и впоследствии других историков, в частности Н.И. Кареева, В.О. Ключевского и др., в немалой мере сказались на формулировке задач и предмета исследования психологии, ее научной методологии. Поливариантный подход к изучению психических свойств и процессов в культурно-историческом контексте способствовал тому, что сама психология, в замыслах Кавелина, становилась делом не только «книжной учености или простого любопытства», а приобретала потенциальные возможности по свойству и обширности своих задач превратиться в «самую жизненную» отрасль научных знаний [3, с. 613].

Таким образом, участвуя в поиске предметных оснований психологии, ее задач и места в классификации гуманитарных наук, Кавелин проявил гибкую диалогичность. Прямо или опосредованно он вступал в дискуссию со своими идейно-теоретическими предшественниками, полемизировал с современниками, намеренно ставил себя, своего оппонента и читателя в ситуацию противоречивых суждений. Оставаясь верным поливариантной исследовательской позиции, Кавелин в любом учении старался видеть зерно здравого смысла и подвергать критике одностороннюю идеализацию.

Позиция К.Д. Кавелина: диалог преодолевает замкнутость и односторонность

В интенции Кавелина, «встреча» задач и смыслов философии, истории и психологии должна помочь каждой из этих отраслей знания глубже понять себя и других. Спустя три года после работы «Задачи психологии» Кавелин пишет статью «Философская критика: По поводу полемики Лесевича и Соловьева» (1875), где прямо говорит о том, что современная философия должна стать «понимающей себя психологией» [5, с. 324]. Историки должны не только фиксировать и объяснять, но и интерпретировать психические процессы и свойства людей изучаемого ими прошлого. Психологи должны внимательно изучать культурно-историческую среду, в контексте которой полнее раскрываются психологические факторы. Для исследователя в области психологии важна не материалистическая или психологическая сторона человеческого бытия, а прежде всего «соответствие» между ними.

Заметно, что Кавелин поддается увлечению психологией, как поддаются всему новому. Чувствуются нотки чрезмерной экзальтации, когда он говорит о том, что психология может помочь философии истории в ее рефлексии над коллективными ошибками прошлого и в преодолении раскола между теорией и действительностью. В любом случае, значимость позиции Кавелина заключается не только в фиксации «встречи» трех наук – философии и двух ее «дочерей» – истории и психологии, но и в осмыслении важности их перекрестной референции.

Междисциплинарный диалог, в рассуждениях Кавелина, видится важным средством преодоления замкнутости и односторонности отдельных наук, одновременно помогая им решать и свои мировоззренческие и методологические задачи. Философия видится Кавелину основой для диалога наук, изучающих человека во всех его проявлениях. Он констатирует, что философские вопросы и задачи – самые общие, что они есть начало всех наук и сознательно или неосознанно рождаются в голове «всех и каждого» [5, с. 322]. Однако, отмечает Кавелин, философия, являясь по своему содержанию и задачам «самой живой из живых наук», до сих пор слышит в русском общественном сознании как «кабинетное, книжное занятие» [5, с. 323]. Между тем основные начала философии присутствуют в каждой отрасли знания. «Как только опыт... заставит нас критически посмотреть на эти основные начала, подвергнуть их проверке, – мы тотчас же становимся с философией лицом к лицу», – пишет Кавелин [5, с. 324].

В рассуждениях Кавелина высвечивается еще один аспект философии. Помимо того что философия является основой для диалога всех наук, она выполняет еще одну немаловажную роль – роль «критика умственного движения». Потребность в философской рефлексии усиливается в переходные периоды развития общества, когда почва уходит из-под ног. «В такие эпохи люди вынуждены искать себе точки опоры в системе осмысленных воззрений, прошедших через критику» [5, с. 324]. Умственный и нравственный рост, как и цивилизационные достижения, выталкивают человека из старого порядка и заставляют создавать новый, отвечающий вызову времени. Именно в такой ситуации и нужна философия как критическое знание. Надо стремиться, считает Кавелин, чтобы пробуждение философского сознания у нас выражалось не в «общих, полуинстинктивных расположениях и наклонностях к тому или другому мировоззрению», как это происходит сейчас, а в систематическом освоении взглядов и накопленных научных знаний [5, с. 325].

Любопытно, что, будучи позитивистски настроенным исследователем, Кавелин далек от идеализации возможностей научного знания. Он неоднократно повторяет, что наука не всесильна, что исследователь может неправильно объяснять факты, зачастую перенося свои внутренние представления на внешний мир явлений. В статье «Злобы дня» (1888) он прямо пишет: «Наука, в своих заключениях, по своим приемам, неотразима; а, между тем, она не удовлетворяет, оставляет какие-то душевные потребности без объяснения и без ответа. В этом очевидно есть какое-то противоречие» [4, с. 1041]. И это противоречие возможно преодолеть посредством диалога наук.

Сама процедура диалога, если не устраняющего, то, по крайней мере, ослабляющего односторонность и замкнутость наук, в замыслах Кавелина выглядит как единство научного анализа и философского синтеза. Любая наука, в том числе и история, и психология, не исследуют «цельный предмет в его совокупности, в его живой действительности». Они исследуют условия и законы существования и деятельности, обобщая их в общие формулы. Вот почему любая наука всегда и везде начинается с «разложения действительного, живого факта на его составные части и получает в результате уже нечто совсем иное, чем была действительность, подвергнутая научному анализу», рассуждает Кавелин. Философия выступает как критическое знание и как объективное знание. Как критическое знание философия помогает оценить выстроенную комбинацию научных фактов, выявить их пользу для человека. Как объективное знание философия старается

отразить целостность предмета или явления. Заметим, что, используя понятие «объективное», Кавелин пытается отмежеваться от его метафизической природы. «Мы называем это отношение объективным, когда не один какой-нибудь человек, а огромное большинство людей, весь род человеческий находится в одинаковых отношениях к предмету» [4, с. 1047]. Оттого и объективная истина видится Кавелину «подвижной, способной к самосовершенствованию» в той мере, в какой совершенствуется сам человек как субъект познания [4, с. 1047].

Как видим, Кавелин представляет «встречу» философии, истории и психологии второй половины XIX в. на новой основе, где история и психология уже выступают в качестве самостоятельных наук, а философия перестает чувствовать себя высшим авторитетом истины, признает возможность самокоррекции истины. Обмен смыслами и задачами важен как для каждой отдельной науки, так и в целом для формирующегося социогуманитарного знания. В интенции Кавелина философия и психология должны сообща «распределить» предмет исследования, а психология и история – методы исследования.

Современные реалии показывают правоту исследовательской установки Кавелина. Междисциплинарный подход к изучению социокультурных явлений, несмотря на трудности взаимопонимания теории и методологии наук, воспринимается всеми как продуктивный, всерьез и надолго. Об этом говорят работы современных исследователей, работающих в перспективе междисциплинарного анализа взаимовлияния философии, истории и психологии [2; 7].

Позволю еще раз процитировать М.М. Бахтина: «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [1, с. 354]. Эти слова Бахтина хорошо известны, я и сама их уже приводила в одной из своих работ [8]. Важность их заключается в том, что Бахтин говорил о «встрече» смыслов культур. Если науку рассматривать как компонент культуры, то слова Бахтина зазвучат по-новому: смысл одной науки, раскрывая свои глубины, встречается со смыслом другой, пока еще чуждой ему: между ними начинается диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность смыслов этих наук; мы ставим чужой науке новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти наши вопросы, и чужая наука отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Гуревич П.С. Соотношение философии и психологии // П.С. Гуревич. Психология. М.: Старик Ватулинг, 2005. С. 65–75.
3. Кавелин К.Д. Задачи психологии // Собр. соч. в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. Наука, философия, литература. С. 375–648.

4. Кавелин К.Д. Злобы дня // Собр. соч. в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. Наука, философия, литература. С. 1019–1074.
5. Кавелин К.Д. Философская критика: По поводу полемики Лесевича и Соловьева // Собр. соч. в 4 т. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. Наука, философия, литература. С. 319–326.
6. Косарская Е.С. Проблема типологии социокультурного развития в философии истории русского позитивизма конца XIX – начала XX века: дисс.... канд. филос. наук. М.: МГОУ, 2016. 187 с.
7. Ленъков С.Л. Трехуровневая психолого-педагогическая модель личности // Педагогика: науч.-теор. журн. РАН. 2018. № 6. С. 12–23.
8. Михайлова Е.Е. Диалогичность философии истории русского позитивизма и современность // Соловьевские исследования. 2017. № 2 (54). С. 151–159.
9. Моисейкина Т.А. Онтологическая целостность как нерешенная задача русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Философские науки. 2019. № 1. С. 108–117.

K. KAVELIN ON THE «MEETING» OF NEW MEANINGS IN PHILOSOPHY, HISTORY AND PSYCHOLOGY

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The article examines the role played by the representatives of the positivist philosophy of history in the development of theoretical psychology in Russia on the example of the views of the Russian philosopher, historian, and public figure K.D. Kavelin. Two directly opposite directions in Kavelin's the research approach are revealed: strict determinism and flexible dialogue. In the article's format Kavelin's work «Problems of Psychology» (1872) is analyzed as a textual source. The author comes to the conclusion that, in Kavelin's project, the “meeting” of philosophy, history and psychology in the second half of the XIX-th century should take place on a new basis, where history and psychology already act as independent sciences, and philosophy ceases to feel itself as the highest authority of truth.

Keywords: *Kavelin, philosophy, psychology, history, positivism, multi-factor analysis, subject of cognition, dialogue.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверского государственного технического университета», Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru